

Прогноз изменения концентрации озона и аэрозоля на основании предсказанного в 24-м цикле уровня солнечной активности

П.Н. Антохин, М.Ю. Аршинов, Б.Д. Белан, Т.К. Складнева, Г.Н. Толмачев*

*Институт оптики атмосферы им. В.Е. Зуева СО РАН
634021, г. Томск, пл. Академика Зуева, 1*

Поступила в редакцию 16.03.2012 г.

На основании установленной эмпирической зависимости между изменением концентрации озона и аэрозоля в приземном слое воздуха в районе Томска и ходом солнечной активности в 21-м–23-м одиннадцатилетних циклах (радиоизлучение на длине волны 10,7 см), по литературным данным о прогнозе солнечной активности на 24-й одиннадцатилетний цикл, дан прогноз изменения среднегодовых концентраций озона и аэрозоля до 2021 г. Продолжающиеся измерения озона и аэрозоля и осуществляющийся мониторинг солнечной активности позволят в дальнейшем проверить оправдываемость прогноза.

Ключевые слова: атмосфера, аэрозоль, озон, прогноз, многолетний, солнечная активность; atmosphere, aerosol, ozone, forecast, long-term, solar activity.

Введение

Возможные глобальные изменения окружающей среды и климата приводят к необходимости создания методов прогноза многолетнего изменения состава атмосферы как ключевого звена в радиационном балансе Земли. В этом плане описанные еще А.Л. Чижевским [1] солнечно-земные связи открывают самые широкие возможности для многолетнего прогнозирования. При этом в большинстве случаев в тропосфере до сих пор физический механизм действия солнечно-земных связей непонятен [2].

По данным мониторинга состава воздуха на ТОР-станции [3] нами была зафиксирована многолетняя изменчивость концентрации озона и аэрозоля в приземном слое воздуха, близкая к 11-летней [4]. Кроме того, предложен возможный механизм изменения их концентрации в зависимости от солнечной активности и сделан прогноз изменения среднегодовых концентраций озона и аэрозоля в 23-м ее цикле на основании прогноза, опубликованного в [5, 6].

Продолжавшийся мониторинг на ТОР-станции позволил сопоставить данные прогноза с фактически наблюдаемыми. Оказалось [7], что на значительном участке 23-го цикла, по критериям «аналогичности» и «аномальности» [8], хорошо оправдался прогноз среднегодовой концентрации аэрозоля и значительно хуже для озона. Так, критерий аналогичности для аэрозоля составляет 0,87 (при максимальном

значении 1,00), для озона 0,58, что даже меньше величины, принимаемой для инерционного прогноза (0,67). В конце цикла (2007–2009 гг.) прогноз и фактические данные не совпали даже по фазе. Возможно, сказались необычайно затянувшийся минимум солнечной активности в 23-м цикле [9–11] или сложение минимумов нескольких циклов, на что указывалось в [12].

Цель настоящей работы — дать прогноз изменения среднегодовых концентраций озона и аэрозоля в 24-м цикле солнечной активности.

Исходные данные

Для анализа и прогноза концентрации озона и аэрозоля в приземном слое воздуха используются данные ТОР-станции, которая расположена в Академгородке, находящемся в 10 км от г. Томска. Для измерения озона применяются хемилюменесцентный анализатор З-02П разработки и изготовления ЗАО «ОПТЭК» (г. Санкт-Петербург) и периодически ультрафиолетовый газоанализатор, модель 49С производства фирмы Thermo Environmental Instruments (США). Для контроля счетной концентрации аэрозоля ранее использовался фотоэлектрический счетчик частиц АЗ-5, выпускавшийся Выборгским приборостроительным заводом (СССР). В настоящее время установлен фотоэлектрический счетчик GRIMM (ФРГ). Для сохранения репрезентативности ряда по счетной концентрации аэрозоля, при смене приборов, были проведены сопоставительные измерения в течение двух лет с целью получения переводных коэффициентов для показаний одного счетчика по отношению к другому. Приборы

* Павел Николаевич Антохин (arn@iao.ru); Михаил Юрьевич Аршинов (michael@iao.ru); Борис Денисович Белан (bbd@iao.ru); Татьяна Константиновна Складнева (tatyana@iao.ru); Геннадий Николаевич Толмачев (tgn@iao.ru).

не реже 1 раза в неделю калибруются с помощью соответствующих генераторов.

На TOR-станции кроме озона и аэрозоля измеряются давление, температура и влажность воздуха, скорость и направление ветра, интегральная и ультрафиолетовая солнечная радиация, оксид и диоксид азота и углерода, метан, диоксид серы и сероводород. Забор воздуха для газоанализаторов и фотоэлектрических счетчиков осуществляется на высоте 4 м от поверхности земли.

Измерения выполняются круглосуточно и круглогодично в начале каждого часа суток с усреднением 10 мин и частотой отсчетов 1 Гц. В идеале для среднегодовой оценки должно получаться $24 \times 365 = 8760$ десятиминутных отсчетов. Фактическая величина колеблется от 7600 до 8000, так как приходится отбрасывать 5–10% случаев, когда в регионе наблюдаются лесные пожары, и такое же количество при переносе шлейфа выбросов от города в районе наблюдений. Данные ежечасно обновляются и доступны широкому кругу ученых через Интернет по адресу: <http://meteo.iao.ru>.

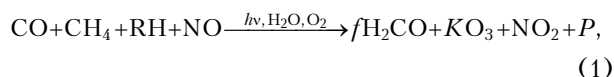
Выполненные к настоящему времени измерения, как это видно из рис. 1, охватывают для озона 22-й и 23-й циклы солнечной активности. Мониторинг аэрозоля начался раньше, на нисходящей ветви 21-го цикла.

Из рис. 1 следует, что среднегодовая счетная концентрация аэрозоля (диаметр $> 0,4$ мкм) изменяется с периодом, близким к 11 годам, от 22–24 до 2–4 см⁻³, т.е. в 5–10 раз. Многолетние вариации среднегодовой концентрации озона несколько

меньше: от 45–48 до 14–20 мкг/м³, или их амплитуда изменяется в 2–3 раза. Подобных вариаций счетной концентрации аэрозоля в литературе нам обнаружить не удалось. Мониторинг в основном ведется в крупных городах. И результаты измерений, естественно, отягощены антропогенным воздействием. Данные же по озону, опубликованные в [13], показывают, что в некоторых регионах вариации могут быть и более значительными [7].

Из рис. 1 видно, что среднегодовые концентрации озона и аэрозоля запаздывают по отношению к ходу солнечной активности (радиоизлучение на длине волны 10,7 см) на 2 или 3 года, причем в каждом цикле сдвиг кривых ведет себя по-разному. В одном цикле сдвиг составляет 2 года, в другом цикле – 3 года. Причину этого запаздывания мы объяснили ранее в [4]. Здесь дадим только краткую выдержку из сделанного анализа.

Для удобства изобразим фотохимический процесс образования тропосферного озона и аэрозоля в виде следующего брутто-уравнения [14]:

где f – стехиометрический коэффициент преобразования углеводородов; K – коэффициент выхода озона, зависящий от концентрации оксидов азота, которые переключают цепи его генерации; P – продукты фотохимических реакций, представляющие собой аэрозольные частицы, возникающие при взаимодействии газовых компонентов.

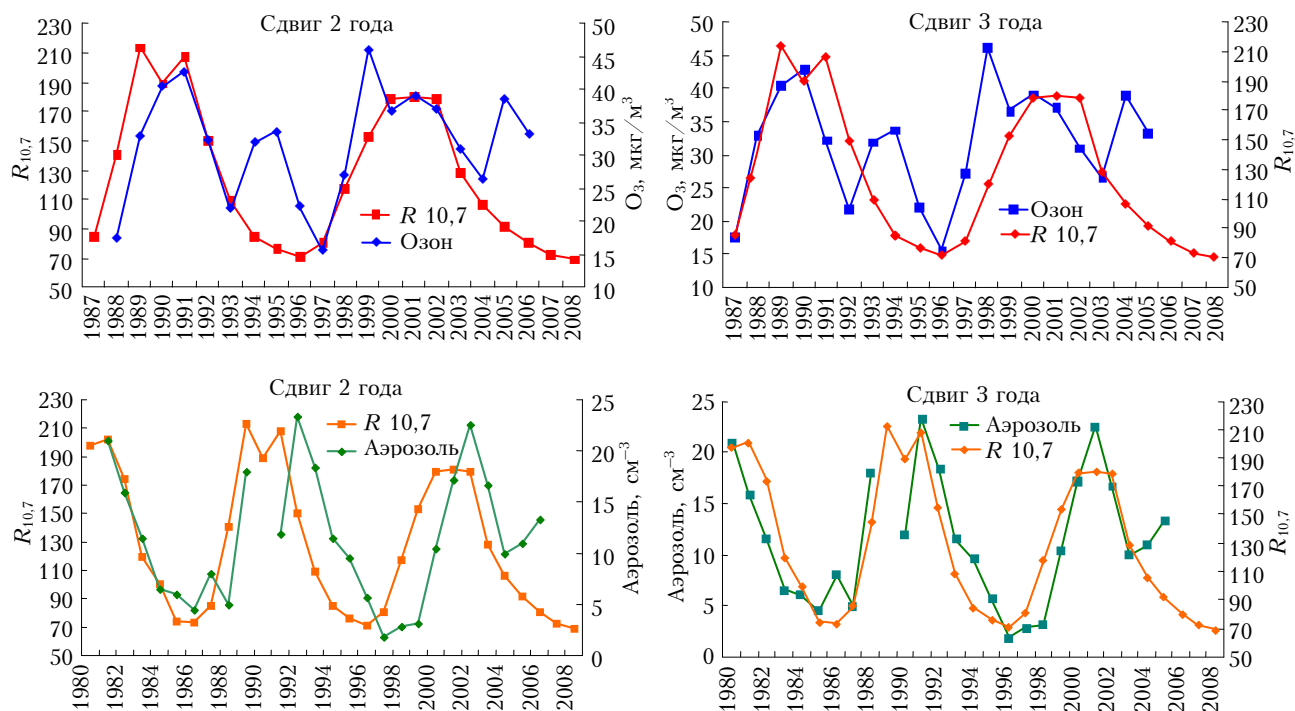

Рис. 1. Среднегодовые концентрации озона и аэрозоля в районе Томска, сдвинутые по отношению к радиоизлучению Солнца ($R_{10,7}$) на 2 и 3 года соответственно

Физический смысл (1) прозрачен: первичные примеси (CO — оксид углерода, CH_4 — метан, RH — неметановые углеводороды, NO — оксид азота), попадая в реальную атмосферу, в которой находятся водяной пар (H_2O) и кислород (O_2), под действием ультрафиолетового солнечного излучения ($h\nu$) преобразуются в более токсичные соединения (H_2CO — формальдегид, O_3 — озон, NO_2 — диоксид азота и аэрозоль P). Это брутто-уравнение не отражает промежуточных соединений — гидроксильных групп OH , HO_2 , H_2O_2 и переключающую роль оксидов азота, зато наглядно показывает, из чего образуется тропосферный озон и какие факторы его определяют. Видно, что выход озона будет зависеть от двух составляющих. Это концентрация исходных соединений, газов-предшественников и интенсивности и спектрального состава солнечной радиации.

Анализ многолетнего хода концентрации CO , CH_4 и NO , проведенный по нашим данным и результатам измерений на сети Всемирной метеорологической организации [13], не выявил периодичности, близкой к 11-летней. Следовательно, эти компоненты не были первопричиной вариаций концентрации озона и аэрозоля. Это же можно сказать и о вариациях кислорода, водяного пара и притоке солнечной радиации. Согласно [15, 16] на поверхность Земли приходит почти постоянный поток солнечного излучения, с вариациями не более 0,6%, равный 1367 Вт/м^2 . Правда, внутри этих 0,6% обнаруживается 11-летняя периодичность [17, 18], хотя она вряд ли значима для тропосферных процессов.

Таким образом, неконтролируемой в уравнении (1) остается концентрация неметановых углеводородов RH . Согласно крупномасштабному исследованию В.А. Исидорова [19] основным источником поступления углеводородов в атмосферный воздух является растительность. Это же подтверждает и обобщение, сделанные позже [14]. На вопрос, почему растительность реагирует на изменение солнечной активности с запаздыванием 2–3 года, можно ответить, если обратиться к результатам многолетних опытов А. Teramura, J. Sullivan по воздействию УФ–Б-излучением на растительность [20, 21]. Ими по данным 6-летних полевых экспериментов выявлено накопление год от года отрицательного изменения растительности после воздействия на нее УФ–Б-радиацией. Ежегодно уменьшение параметров растительности в первые 2–3 года происходило на 10–15% (в зависимости от вида), а затем начинался их бурный рост. Особенно сильно этот эффект проявлялся в лесной местности. Эксперименты, проведенные позже другими авторами, подтвердили результаты А. Teramura, J. Sullivan. В [22] показано, что после начала воздействия УФ-излучением плотность растений упала на 23% в первый год и на 38% на третий год. Согласно [23], часть показателей, которыми характеризуется состояние растительности, начала восстанавливаться на третий год после воздействия УФ-излучения.

При этом возникает новый вопрос: если солнечная постоянная не изменяется [15, 16], то откуда

да возьмется воздействие УФ–Б-радиации на растительность? Более того, как показано в обзоре [24], в многолетнем ходе УФ–Б-радиация на длине волны 300 нм изменяется не более чем на 1%.

Ответ заключается в следующем. В случае отдельных вспышек, количество и интенсивность которых пропорциональны солнечной активности, УФ–Б-излучение все-таки поступает в тропосферу. По данным [25], вариации УФ–Б-излучения в случае таких событий могут составлять 100%. Причем эта часть будет составлять менее 1% в интегральном солнечном излучении. Подобные же оценки содержатся в [26]. При этом всплески излучения во время вспышек не полностью гасятся атмосферой и достигают поверхности Земли [27, 28].

Все вышеизложенное указывает на то, что в биосфере имеется объект, который реагирует на изменение УФ-радиации и может управлять одним из компонентов, являющимся основой для образования озона и аэрозоля, — углеводородами в газобразной форме, — это растительность.

Поскольку на TOR-станции концентрация углеводородов в воздухе не измерялась, то проверить все вышеизложенное «впрямую» не получается. К сожалению, и на мировой сети станций многолетних измерений углеводородов не было, поэтому проверка проводилась по косвенным параметрам. В настоящее время для оценки состояния растительности используется ряд вегетационных индексов. В работах [4, 7] был использован нормализованный дифференциальный вегетационный индекс (NDVI) для региона наблюдений, многолетние изменения величины которого сопоставлялись с ходом аэрозоля и озона. В ходе анализа были получены значимые коэффициенты корреляции.

Подтверждение запаздывания реакции растительности на всплеск УФ-радиации было найдено и в дендрохронологических данных [29]. Анализ толщины клеточной стенки и плотности клетки в годичных кольцах сосны, пихты и ели показал, что запаздывание их изменений по отношению к УФ-радиации составляет в среднем 2–3 года.

В общем виде эта связь выглядит следующим образом. В период минимума солнечной активности растительность на Земле адаптируется к отсутствию событий на Солнце, а именно ударных поступлений УФ–Б-радиации. Нарастание активности приводит к случайному, но более частому и более мощному увеличению притока УФ–Б-радиации в период солнечных событий. Растительность реагирует на это уменьшением продуктивности и, соответственно, выделением углеводородов. После 2–3-летнего периода адаптации к новым условиям продуктивность растительности увеличивается. Возрастание поступления углеводородов в воздух, при постоянстве интегрального потока солнечной радиации, вызывает рост фотохимического образования озона и аэрозоля.

На основании приведенных на рис. 1 данных были получены эмпирические связи, которые устанавливают зависимость концентрации озона или

аэрозоля от интенсивности радиоизлучения Солнца на длине волны 10,7 см. Коэффициент корреляции между среднегодовой концентрацией озона и радиоизлучением на длине волны 10,7 см оказался выше при сдвиге кривых на 2 года и составил 0,52, а между среднегодовой счетной концентрацией аэрозоля ($d \geq 0,4$ мкм, при сдвиге на 3 года) и радиоизлучением на длине волны 10,7 см, наоборот, он выше при сдвиге на 3 года и составляет 0,81. С использованием коэффициента корреляции был вычислен коэффициент детерминации R^2 и оценен вклад дисперсии радиоизлучения в дисперсии озона и аэрозоля, он составил 26,4 ($R_{\text{крит}}^2(\alpha = 0,05) = 19,7\%$) и 64,3% ($R_{\text{крит}}^2(\alpha = 0,05) = 17,9\%$) соответственно. Сравнение расчетных коэффициентов детерминации с критическими значениями показало, что они больше критических и, следовательно, значимы на уровне $\alpha = 0,05$. Полученные зависимости имеют вид

$$\begin{aligned} \text{ПКО}(t) &= -83,136 + 53,641g(R_{10,7}(t - 2)), \\ N(t) &= -3,668 + 0,118R_{10,7}(t - 3). \end{aligned} \quad (2)$$

Здесь $\text{ПКО}(t)$ – среднегодовая приземная концентрация озона, мкг/м³; $N(t)$ – среднегодовая счетная концентрация аэрозоля ($d \geq 0,4$ мкм), см⁻³; $R_{10,7}$ – радиоизлучение на длине волны 10,7 см, Вт/м² Гц; t – время, годы.

Для проверки адекватности полученных уравнений регрессии использовался F -критерий Фишера. Расчет F -критерия Фишера для уравнений дал следующие значения: 1,02 ($F_{\text{крит}}(\alpha = 0,05) = 2,23$) и 0,36 ($F_{\text{крит}}(\alpha = 0,05) = 2,1$) для среднегодовой концентрации озона и аэрозоля соответственно. Поскольку $1,02 < 2,23$ и $0,36 < 2,1$, то с вероятностью 95% можно утверждать, что уравнения регрессии адекватны и способны с указанной достоверностью описывать исследуемый процесс.

Проверка устойчивости уравнений регрессии $\text{ПКО}(t)$ и $N(t)$ по F -критерию Фишера в зависимости от цикла дала следующий результат. В 22-м цикле значения F -критерия для $\text{ПКО}(t)$ и $N(t)$ равны 1,36 ($F_{\text{крит}}(\alpha = 0,05) = 3,86$) и 0,36 ($F_{\text{крит}}(\alpha = 0,05) = 3,02$), в 23-м цикле – 0,9 ($F_{\text{крит}}(\alpha = 0,05) = 3,02$) и 0,39 ($F_{\text{крит}}(\alpha = 0,05) = 3,02$) соответственно. Из анализа можно сделать вывод, что с вероятностью 95% полученные уравнения регрессии устойчивы между 22-м и 23-м циклами. Сопоставление значений ста-

тистик F -критерия Фишера показывает, что остаточная дисперсия прогноза для среднегодовой счетной концентрации аэрозоля в 23-м цикле больше, чем в 22-м, а для среднегодовой концентрации озона картина противоположная. Учитывая многообразие и разветвление процессов фотохимической генерации озона и аэрозоля в атмосфере, подобный результат не представляется неожиданным [14].

Выбор прогноза солнечной активности в 24-м цикле

Согласно [30] процессы в атмосфере Земли не обладают значительной памятью в силу того, что всякое возмущение в ней быстро рассеивается. В космической плазме, плазме Солнца магнитные поля могут существовать очень долго и их особенности могут проследиваться десятилетиями. В этом плане прогноз, основанный на космической информации, должен быть более устойчивым, чем прогноз, опирающийся только на атмосферные данные.

В настоящее время существуют десятки различных методов прогноза солнечной активности. При этом наблюдается существенное расхождение в прогнозируемых максимальных значениях числа Вольфа (W) или радиоизлучения на $R_{10,7}$. Некоторые из таких прогнозов собраны в таблице. Из нее следует, что диапазон прогнозируемых значений чисел Вольфа в максимуме солнечной активности по прогнозам может составить от 68 до 140 единиц. По обобщенным же в [31] публикациям, которые здесь не приводятся, разброс значений еще больше – от 40 до 185. Максимум солнечной активности может наступить в период с 2011 по 2014 г. Некоторые авторы [33, 35, 37] предлагают два варианта возможного сценария с разным W_{max} и разными годами максимума солнечной активности.

Из рассмотренных вариантов прогноза солнечной активности в 24-м цикле мы остановились на двух [37, 38]. Соответствующие кривые, пересчитанные в радиоизлучение на 10,7 см, приведены на рис. 2. Прогнозы выбраны исходя из того, что они дают средние значения между всеми предложенными. Это повышает вероятность, что они будут ближе к фактическому положению дел.

Из рис. 2 следует, что максимум солнечной активности наступит в 2012 или 2013 гг. и должен иметь радиоизлучение 170–175 Вт/(м² · Гц) на волне 10,7 см.

Прогноз максимальных значений чисел Вольфа и времени наступления максимумов солнечной активности

Источник	[31]	[32]	[33]	[34]	[35]	[36]	[37]	[38]
Максимум	96 ± 13	68–101	112 ± 36 136 ± 36	68 ± 17	140 120	93 ± 21	115 ± 13	117 ± 9
Дата максимума	2011	2011–2012	2011–2012	2014	2011–2014	2011–2012	2012–2013	2012

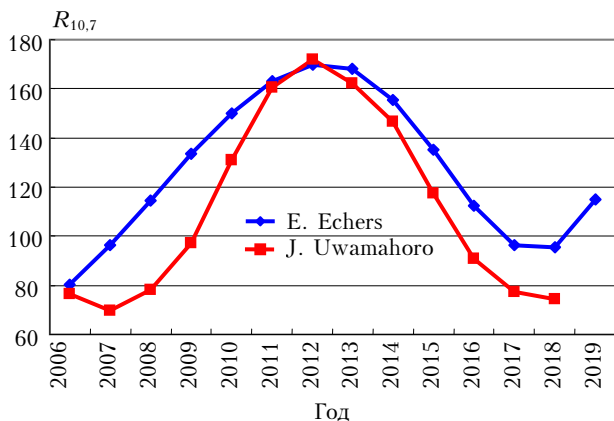
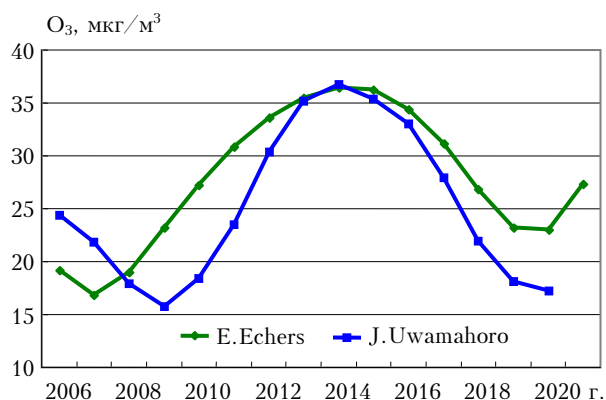

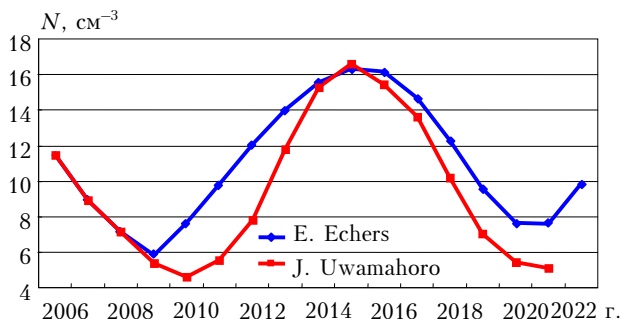
Рис. 2. Прогноз радиоизлучения на 10,7 см по [Echer et al., 2004] и по [Uwamahoro et al., 2009]

Прогноз среднегодовых концентраций озона и аэрозоля

Воспользовавшись значениями, приведенными на рис. 2, по вышеприведенной эмпирическим формулам (2) были рассчитаны среднегодовые концентрации озона и аэрозоля. Эти расчеты даны на рис. 3 отдельно для озона (а) и аэрозоля (б). Для удобства сохранены фамилии авторов прогноза солнечной активности.

а

б

Рис. 3. Прогноз среднегодовой приземной концентрации озона (а) и аэрозоля (б) для района Томска по данным о солнечной активности

Из рис. 3 видно, что прогнозы концентрации озона и аэрозоля для разных предсказаний хода солнечной активности в прошедшем минимуме различаются на 2 года. Для озона по [37] минимум должен был наступить в 2007 г., что по данным [7] фактически и наблюдалось. По [38] минимум должен наступить в 2009 г. Это также оправдалось в [7], так как в многолетнем ходе концентрации озона в 2009 г. был зафиксирован вторичный минимум. Максимум концентрации озона ожидается по обоим прогнозам в 2014 г.

Для аэрозоля прогноз минимума концентрации не оправдался по обоим прогнозам. Согласно рис. 3, б он мог быть в 2009 или 2010 г. Фактически [7] он наблюдался в 2007 г. Максимум концентрации аэрозоля согласно обоим прогнозам должен быть в 2015 г.

В качестве критерия точности прогноза по уравнениям регрессии используется условное среднеквадратическое отклонение (стандартная ошибка) [39]. Данная ошибка оценивает суммарный вклад собственной погрешности средств измерений и уравнения регрессии. В статье [38] качество даваемого прогноза солнечной активности оценивается среднеквадратической ошибкой, которая составляет 8,5 W (число Вольфа) для величины максимума 117,5 W и [37] показывает величину ошибки 13,2 для максимального значения 115 W с вероятностью 95%. Тогда расчеты ошибки прогноза концентрации озона и аэрозоля дают следующие величины по уравнениям регрессии (2): в максимуме $\sigma_{\text{пко}} = 8,53 \text{ мг/м}^3$ и $\sigma_N = 3,83 \text{ см}^{-3}$ и в минимуме $\sigma_{\text{пко}} = 2,44 \text{ мг/м}^3$ и $\sigma_N = 1,20 \text{ см}^{-3}$.

Дальнейшие измерения должны показать, насколько достоверен приведенный в настоящей статье прогноз.

Работа выполнена при поддержке программы Президиума РАН № 4, программы ОНЗ РАН № 5, междисциплинарных интеграционных проектов СО РАН № 35, 70 и 131, грантов РФФИ № 11-05-00470, 11-05-00516, 11-05-93116 и 11-05-93118 госконтрактов Минобрнауки № 02.740.11.0674, 14.740.11.0204 и 11.519.11.5009.

1. Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. М.: Мысль, 1973. 367 с.
2. Владимирский Б.М., Темурияц Н.А. Влияние солнечной активности на биосферу—ноосферу (Гелиобиология от А.Л. Чижевского до наших дней). М.: МНЭПУ, 2000. 374 с.
3. Аршинов М.Ю., Белан Б.Д., Давыдов Д.К., Ковалевский В.К., Плотников А.П., Покровский Е.В., Скляднева Т.К., Толмачев Г.Н. Автоматический пост для мониторинга малых газовых составляющих атмосферного воздуха // Метеорол. и гидрол. 1999. № 3. С. 110–118.
4. Аршинов М.Ю., Белан Б.Д., Ковалевский В.К., Расказчикова Т.М., Скляднева Т.К., Толмачев Г.Н. Роль солнечной активности в многолетней изменчивости фотохимических компонент воздуха в нижней тропосфере // Оптика атмосф. и океана. 2002. Т. 15, № 12. С. 1056–1071.
5. Панкратов А.К., Норманский В.Я., Владимирский Б.М. Фазовая диаграмма солнечной активности и прогноз

- активности на предстоящий 23-й цикл // Биофизика. 1998. Т. 43, № 5. С. 883–887.
6. Schatten K., Hoyt D. Solar cycle 23 forecast update // Geophys. Res. Lett. 1998. V. 25, N 5. P. 599–601.
  7. Антохин П.Н., Аршинов М.Ю., Белан Б.Д., Белан С.Б., Скляднева Т.К., Толмачев Г.Н. Многолетняя изменчивость озона и аэрозоля в районе Томска и оправдываемость прогноза их среднегодовых концентраций в 23-м цикле солнечной активности // Оптика атмосф. и океана. 2010. Т. 23, № 9. С. 772–776.
  8. Хандожко Л.А. Метеорологическое обеспечение народного хозяйства. Л.: Гидрометеоиздат, 1981. 232 с.
  9. Livingston W., Penn M. Are sunspots different during this solar minimum? // EOS. 2009. V. 90, N 30. P. 257–258.
  10. Белов А.В., Гайдаш С.П. Аномально низкая солнечная и геомагнитная активность в 2007 году // Геомагнет. и аэроном. 2009. Т. 49, № 5. С. 595–602.
  11. Иванов К.Г., Харшиладзе А.Ф. Начало нового, 24-го цикла солнечной активности в крупномасштабном открытом магнитном поле Солнца // Геомагнет. и аэроном. 2008. Т. 48, № 3. С. 291–296.
  12. Распопов О.М., Дергачев В.А. Экстремальные солнечные события в прошлом и настоящем столетии как проявление долговременных вариаций солнечной активности // Геомагнет. и аэроном. 2005. Т. 45, № 3. С. 324–328.
  13. WMO WDCGG Data summary. 2009, N 33. 99 p.
  14. Белан Б.Д. Озон в тропосфере. Томск: Изд-во ИОА СО РАН, 2010. 488 с.
  15. Скляров Ю.А., Бричков Ю.И., Семенова Н.В. Радиационный баланс Земли. Введение в проблему. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2009. 188 с.
  16. Wild M. Global Dimming and Brightening: A review // J. Geophys. Res. 2009. V. 114. D00D16, doi: 10.1029/2008JD011470.
  17. Скляров Ю.А., Двинских В.А., Бричков Ю.И., Котума А.И. Переменность потока излучения Солнца и ее земные проявления // Исслед. Земли из космоса. 1998. № 6. С. 40–46.
  18. Goode P.R., Palle E. Shortwave forcing of the Earth's climate: Modern and historical Variations in the Sun's irradiance and the Earth's reflectance // J. Atmos. Sol.-Terr. Phys. 2007. V. 69, N 13. P. 1556–1568.
  19. Исидоров В.А. Летучие выделения растений: состав, скорость эмиссии и экологическая роль. СПб.: Алга, 1994. 188 с.
  20. Sullivan J.H., Teramura A.N. The effects of ultraviolet-B radiation on loblolly pines. 2. Growth of field-grown seeding // Trees. 1992. V. 6, N 1. P. 115–120.
  21. Teramura A.H., Sullivan J.H. Effects of UV-B radiation on photosynthesis and growth of terrestrial plants // Photosyn. Res. 1994. V. 39, N 3. P. 463–473.
  22. Bianciotto O.A., Pinedo L.B., San Roman N.A., Blesio A.Y., Collantes M.B. The effects of natural UV-B radiation on a perennial Salicornia salt-marsh in Bahia San Selactian, Tierra del Fuego, Argentina: a 3-year field study // J. Photochem. Photobiol. 2003. V. 70, N 3. P. 177–185.
  23. Rousseaux M.C., Scopel A.L., Searles P.S., Caldwell M.M., Sala O.E., Ballare C.L. Responses to solar ultraviolet-B radiation in a shrub-dominated natural ecosystem of Tierra del Fuego (southern Argentina) // Global Change Biology. 2001. V. 7, N 4. P. 467–478.
  24. Lean J. Solar ultraviolet irradiance variations: a review // J. Geophys. Res. D. 1987. V. 92, N 1. P. 839–868.
  25. Lean J., Rottman G.J., Kyle H.L., Woods T.N., Hickey J.R., Puga L.C. Detection and parameterizations of variations in solar mid- and near-ultraviolet radiation (200–400 nm) // J. Geophys. Res. D. 1997. V. 102, N 25. P. 29939–29956.
  26. Fligge M., Solanki S.K., Pap J.M., Frohlich C., Wehrli Ch. Variations of solar spectral irradiance from near UV to the infrared-measurements and results // J. Atmos. Sol.-Terr. Phys. 2001. V. 63, N 14. P. 1479–1487.
  27. Gurney K.R. Evidence for increasing ultraviolet irradiance at Point Barrow, Alaska // Geophys. Res. Lett. 1998. V. 25, N 6. P. 903–906.
  28. Larkin A., Haigh J.D., Djavidnia S. The effect of solar UV irradiance variations on the earth's atmosphere // Space Sci. Rev. 2000. V. 94, N 1–2. P. 199–214.
  29. Зуев В.В., Бондаренко С.Л., Зуева Н.Е., Силкин П.П., Шамкин А.В., Золотарев К.А., Шапоренко А.В. Комплексные исследования значимых откликов в годичных кольцах хвойных деревьев на воздействие солнечной УФ-Б радиации // Оптика атмосф. и океана. 2007. Т. 20, № 5. С. 438–442.
  30. Дружинин И.П., Сазонов Б.И., Ягодинский В.Н. Космос–Земля. Прогнозы. М.: Мысль, 1974. 288 с.
  31. Крячко А.В., Нусинов А.А. Прогнозирование солнечных циклов стандартным методом // Геомагнет. и аэроном. 2008. Т. 48, № 2. С. 153–156.
  32. Огуцов М.Г. Прогноз 24-го цикла солнечной активности на основе информации о солнечной активности за последние 10000 лет // Геомагнет. и аэроном. 2009. Т. 49, № 3. С. 427–430.
  33. Kane R.P. Prediction of solar cycle 24 based on the Gnevgskev–Ohl–Kopecky rule and three-cycle periodicity scheme // Ann. Geophys. 2008. V. 26, N 11. P. 3329–3339.
  34. De Jader C., Duhau S. Forecasting the parameters of sunspot cycle 24 and beyond // J. Atmos. Sol.-Terr. Phys. 2009. V. 71, N 2. P. 239–245.
  35. Dikrati M. Predicting cycle 24 using various dynamo-based tools // Ann. Geophys. 2008. V. 26, N 2. P. 259–267.
  36. Baranovski A.L., Clette F., Nollau V. Nonlinear solar cycle forecasting: theory and perspectives // Ann. Geophys. 2008. V. 26, N 2. P. 231–241.
  37. Echers E., Rigozo N.R., Nordemann D.J.R., Viera L.E.A. Prediction of solar activity on the basis of spectral characteristics of sunspot number // Ann. Geophys. 2004. V. 22, N 6. P. 2239–2243.
  38. Uwamahoro J., Mc Kinnell L.A., Cilliers P.J. Forecasting solar cycle 24 using networks // J. Atmos. Sol.-Terr. Phys. 2009. V. 71, N 5. P. 569–574.
  39. Исцаев А.А. Статистика в метеорологии и гидрологии. М.: Изд-во МГУ, 1988. 248 с.

P.N. Antokhin, M.Yu. Arshinov, B.D. Belan, T.K. Sklyadneva, G.N. Tolmachev. Forecast of variations in ozone and aerosol concentrations based on the forecast for the 24th solar cycle.

On the basis of the established empirical dependence between change of concentration of ozone and an aerosol in a ground layer of air in area of Tomsk and a course of solar activity in 21–23 eleven-year cycles (a radio emission on length of a wave of 10.7 cm), on the literary data on the forecast of solar activity on 24th eleven-year cycle, the forecast of change of mid-annual concentration of ozone and an aerosol till 2021 is given. Proceeding measurements of ozone and aerosol and monitoring of solar activity will allow forecast verification.